

У КАРТЫ ТИХОГО ОКЕАНА

Информационно-аналитический бюллетень №42 (240)

Тихоокеанская политика США
во втором десятилетии XXI века

(По материалам круглого стола)

Отдел международных отношений
и проблем безопасности
ИИАЭ ДВО РАН

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока продолжает выпуск информационно-аналитического бюллетеня «У карты Тихого океана». Бюллетень издавался с 1974 по 1991 гг.

Цель издания: научно-информационное обеспечение мероприятий правительства РФ и региональных властей Дальнего Востока по интеграции России в АТР.

Структура, периодичность выхода и содержание бюллетеня будут меняться в зависимости от насыщенности, значимости и ориентации текущих событий в регионе.

Главными принципами подбора и публикации материалов в бюллетене являются:

- оперативность в освещении событий;
- достоверность информации;
- ориентация не на описание прошедших событий, а на оценку, их влияние на будущее и прогноз развития ситуации;
- практическая значимость.

Бюллетень распространяется по подписке в бумажном и электронном вариантах. С электронной версией издания можно ознакомиться на сайте <http://www.ihafe.org>

При использовании материалов бюллетеня ссылка на него обязательна

ISSN 2304-4586 (Print)

ISSN 2304-4632 (Online)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: В.Л. Ларин (главный редактор), А.П. Герасименко, В.В. Кожевников, С.К. Песцов, И.А. Толстокулаков, С.А. Иванов (ответственный секретарь)

Содержание

<i>Эрик Холм-Олсен.</i> Политика США в Азиатско-Тихоокеанском регионе во втором десятилетии XXI в.....	5
<i>Л.Н. Гарусова.</i> Политика США в отношении Северной Кореи: возможности и риски	12
<i>И.А. Толстокулаков.</i> Политика США в отношении Республики Корея: итоги и перспективы	19
<i>А.Л. Лукин.</i> Альянсы США в Азиатско-Тихоокеанском регионе и контригра Китая	24
<i>Е.В. Пустовойт.</i> Взгляды США на современный характер отношений с Японией: сотрудничество и противоречия	28
<i>А.В. Симонёнок.</i> Охлаждение американо-тайландских отношений: просчёты Вашингтона или расчёты Бангкока?	30
<i>В.Л. Ларин.</i> «Восточный поворот США»: некоторые итоги начального этапа (вместо послесловия)	34

12 ноября 2015 г. в Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН состоялся круглый стол «Тихоокеанская политика США во втором десятилетии XXI века». Организатором мероприятия выступил Центр региональной безопасности Отдела международных отношений и проблем безопасности ИИАЭ ДВО РАН. Целью встречи был экспертный обмен мнениями о содержании и последствиях американского «поворота к Тихому океану», влиянии «поворота» на политику региональных акторов.

В заседании приняли участие председатель Законодательного собрания Приморского края д-р техн. наук, профессор В.В. Горчаков, генеральные консулы и сотрудники генконсульств США, Республики Корея и Японии, работники Представительства МИД РФ во Владивостоке, представители федеральных структур, ведущие учёные РИСИ и ВИ — ШРМИ ДВФУ. В ходе мероприятия были заслушаны пять информационно-аналитических сообщений российских учёных и доклад Генерального консула Соединённых Штатов во Владивостоке Эрика Холм-Олсена.

Политика США в Азиатско-Тихоокеанском регионе во втором десятилетии XXI в.

Эрик Холм-Олсен,
Генеральный консул США в г. Владивостоке

Вскоре после саммита АТЭС во Владивостоке, в ноябре 2012 г., бывший советник по национальной безопасности Том Донильон наметил стратегию президента Обамы по «перебалансировке», изменению стратегического фокуса нашего подхода к Азиатско-Тихоокеанскому региону. Доклад был подготовлен, когда президент готовился отправиться в свою первую после переизбрания заграничную поездку, в ходе которой он посетил страны Азии: Таиланд, Бирму и Камбоджу. Целью его маршрута было продемонстрировать, какое большое значение он собирался уделять этому региону во время второго срока пребывания в должности. Более того, когда Хиллари Клинтон заняла пост Государственного секретаря США, она стала первым за почти 50 лет госсекретарём Соединённых Штатов, в первую зарубежную поездку отправившимся в Азию. Первым иностранным лидером, с которым президент Обама встретился в Белом доме, был премьер-министр Японии. Эти поездки и встречи были признаками приоритетности Азиатско-Тихоокеанского региона для администрации Обамы. В выступлении в ноябре 2012 г. советник по национальной безопасности Донильон отметил: «Наш подход основывается на простом принципе: Соединённые Штаты являются тихоокеанской державой, чьи интересы неразрывно связаны с экономической, политической ситуацией, равно как и обстановкой в плане безопасности в Азии. Успех Америки в XXI веке связан с успехом Азии».

После инаугурации президента Обамы, в марте 2013 г., Донильон выступил с речью в Азиатском обществе в Нью-Йорке и подробно остановился на целях так называемой перебалансировки по отношению к Азии. В исчерпывающем обзоре стратегии и взаимодействия Донильон отметил: администрация пришла к выводу, что Соединённые Штаты в прогнозировании и фокусе своего влияния в мире столкнулись с дисбалансом, который был наиболее заметен в Азиатско-Тихоокеанском регионе, где США были недостаточно представлены. В рамках «перебалансировки» Америка намерена использовать так называемое официальное заявление о политическом курсе США в регионе, которое прозвучало в обращении Обамы к парламенту Австралии в Канберре в 2011 г. В нём президент объяснил, что важнейшей целью Соединённых Штатов в Азиатско-Тихоокеанском регионе является поддержание стабильно безопасной обстановки и регионального порядка, которые основываются на экономической открытости, мирном урегулировании споров и уважении всеобщих прав и свобод.

В речи на заседании Азиатского общества Донильтон перечислил пять основополагающих принципов американской стратегии, которые остаются главными для США в АТР:

- укрепление наших союзов;
- налаживание более прочных партнёрских отношений с быстро развивающимися государствами Азиатско-Тихоокеанского региона;
- установление конструктивных отношений с Китаем;
- укрепление региональных институтов;
- создание экономической архитектуры, которая увеличивает торговлю и инвестиции и улучшает уровень жизни.

Важно уточнить, что *не* входит в понятие «перебалансировки». Она не означает приуменьшения связей США с партнёрами в других регионах и не подразумевает сдерживание Китая или навязывание условий Азии. Это не просто вопрос корректировки американской военной стратегии в регионе. Скорее, это стремление использовать все инструменты и ресурсы, которые имеются в нашем распоряжении, в том числе дипломатические, экономические, политические и военные, но также и наши ценности, которые можно сформулировать в пяти принципах актуальной американской стратегии в регионе.

Первый принцип — это укрепление альянсов. Наши союзы с Японией и Республикой Корея теперь сильнее, чем когда-либо, и представляют собой основу нашей деятельности в регионе. Американо-японский альянс остаётся краеугольным камнем безопасности и процветания в регионе. Как сказал Обама в апреле прошлого года во время государственного визита премьер-министра Синдзо Абэ в США, «за 70 лет наши народы стали не только союзниками, но и настоящими партнёрами и друзьями». В сентябре этого года госсекретарь Джон Керри отметил в своём выступлении по случаю 70-й годовщины окончания Второй мировой войны на Тихом океане: «Сегодня мы также размышляем о том, какая удивительная трансформация произошла в наших отношениях с Японией, когда из военных противников мы превратились в верных друзей и союзников. Наше долговременное партнёрство свидетельствует о силе примирения и черпает силы в нашей общей приверженности демократии, правам человека и верховенству закона. В самом деле, было бы справедливо сказать, что при решении любой региональной или глобальной проблемы Соединённые Штаты рассчитывают, что Япония будет играть в этом важную роль. Как отметил президент, наше стратегическое партнёрство — то, что приносит мир и процветание, здоровье и сохранение окружающей среды, а также передовые технологии для наших двух стран и народов всего мира».

Сильный союз США с Республикой Корея является залогом мира и безопасности на Корейском полуострове и в регионе. В прошлом месяце президент Пак посетила Соединённые Штаты уже во второй раз, и обе страны подтвердили взаимную приверженность полной, контролируемой и необратимой

денуклеаризации Северной Кореи мирным путём. По мере того как Корея становилась глобальным игроком, развивались и наши отношения. В рамках партнёрства по программе «Новые рубежи сотрудничества» мы занимаемся такими вопросами, как изменение климата и охрана здоровья населения мира. Так же как с Японией, американо-корейские отношения пользуются большой поддержкой народов обеих стран, что позволяет нам заниматься широким спектром проблем XXI в. Теперь, когда мы упрочили наши экономические связи благодаря двустороннему американо-корейскому Соглашению о свободной торговле, мы также приветствуем интерес Южной Кореи к Транстихоокеанскому партнёрству или ТТП, о котором речь пойдёт чуть позже.

Совместно с Японией и Республикой Корея мы намерены расширить трёхстороннее сотрудничество наших трёх стран и приветствуем усилия Республики Корея по наращиванию трёхстороннего сотрудничества между ней, Японией и Китаем. Саммит, прошедший в Сеуле, стал последним примером успешных усилий Кореи. Обязательство трёх стран по продолжению диалога по ряду вопросов, которые вызывают взаимную озабоченность, включая шестисторонние переговоры по Северной Корее, также является благоприятным развитием.

Нельзя также не сказать несколько слов о Северной Корее. Как заявил недавно во время выступления перед Комитетом Сената по международным отношениям наш спецпредставитель по политике в отношении Северной Кореи господин Сун Ким, когда речь идёт о защите наших интересов и интересов наших союзников от северокорейской угрозы, «у нас не может быть лучших партнёров, чем наши союзники и друзья в Сеуле и Токио». Эта солидарность является основным средством сдерживания. Дополнительно к политике сдерживания США ввели новые санкции против Северной Кореи из-за её деструктивной политики. Распоряжение о введении санкций было подписано президентом Обамой в начале текущего года. Эти меры нацелены на поддержание максимальной степени бдительности в отношении северокорейской деятельности по распространению ядерного оружия. И мы продолжим активно поддерживать скоординированные усилия по этой цели во всём мире.

Суть действий американской дипломатии в отношении Северной Кореи связана с действиями наших партнёров по шестисторонним переговорам: Республикой Корея, Японией, Китаем и Россией. Наши скоординированные действия имеют неизменный посыл, который делает акцент на необходимости избавления для КНДР от ядерного оружия и в то же самое время чётко даёт Северной Корее понять, что путь к сотрудничеству и эффективным переговорам остаётся открытым. На самом деле, мы были и продолжаем оставаться открытыми для возможности двусторонних переговоров с Северной Кореей при условии, что вопрос ликвидации ядерного оружия будет частью этой дискуссии.

Второй основополагающий элемент нашей стратегии в Азиатско-Тихоокеанском регионе — налаживание более тесных партнёрств с новыми мировыми державами. Хорошим примером могут служить укрепившиеся связи с Индией. Стратегический диалог между США и Индией — это отражение того факта, что мы рассматриваем её в качестве стратегического партнёра в XXI в. По этой причине мы приветствуем возросшие усилия Индии в осуществлении политики «Гляди на восток» и её стремлении играть более значимую роль в Азии. Индонезия — ещё один пример: с этой страной мы работаем по развитию её потенциала как глобального партнёра.

Третий элемент стратегии заключается в построении конструктивных отношений с Китаем. Как многократно заявлял президент Обама, Соединённые Штаты приветствуют рост мирного, стабильного и процветающего Китая, являющегося ответственным игроком на глобальной арене. И, хотя отношения между США и Китаем будут и впредь иметь элементы как партнёрства, так и конкуренции, мы собираемся работать над разногласиями, а также над повышением качества и масштабов нашего сотрудничества. Государственный визит в США председателя КНР Си Цзиньпина в сентябре стал важным шагом на пути углубления нашего взаимодействия. В ходе визита страны договорились активизировать усилия для достижения высококачественного двустороннего инвестиционного договора, который обеспечит равные условия для американских компаний в Китае. В переговорах представители государств опирались на достигнутые в Пекине договорённости в области изменения климата с целью подписания всеобъемлющего соглашения в Париже в этом году. Вместе с тем президент Обама откровенно, как и ранее, говорил с председателем Си о важности уважения и защиты всеобщих прав человека, а также о нашей заботе о кибербезопасности.

Недавние события, произошедшие в Южно-Китайском море, напоминают о том, что региональные территориальные споры являются потенциальным источником напряжённости и конфликтов. Хотя Соединённые Штаты не занимают никакой позиции по вопросу претензий на суверенитет в Южно-Китайском море, мы чрезвычайно заинтересованы в сохранении безопасности на море, обеспечении свободы судоходства и разрешении споров мирным путём, без политических просчётов и непреднамеренных столкновений, которые могут стремительно обострить ситуацию. Эти вопросы президент Обама поднимал во время сентябрьской встречи с председателем Си, подчёркивая, что американцы будут продолжать плавать, летать и работать в любом месте, где это позволено международным правом.

Четвёртый принцип стратегии США заключается в укреплении региональных институтов, в том числе АСЕАН и АТЭС. Мы убеждены, что поддержка таких организаций эффективно содействует региональной стабильности, политическому и экономическому прогрессу, поддержке прав

человека и верховенству закона. Региональный форум АСЕАН и Восточно-Азиатский саммит, проводимый в рамках АСЕАН, стали ключевыми площадками для многостороннего обсуждения актуальных вопросов безопасности и политики в регионе. Форум АТЭС, представляющий 21 экономику Тихоокеанского региона, по-прежнему нацелен на повышение уровня жизни посредством инвестиций и торговли, и Соединённые Штаты поддерживают его новую ориентацию на поддержку малого предпринимательства и расширение прав и возможностей женщин. США также приветствуют инициативу президента Республики Корея Пак по созданию Инициативы по укреплению мира и сотрудничества в Северо-Восточной Азии. Предоставляя дополнительные механизмы для диалога, страны региона могут способствовать росту доверия и решению некоторых общих политических проблем, которые уже упоминались.

Пятый принцип американской дипломатии — это создание такой экономической архитектуры, которая принесёт пользу населению Азиатско-Тихоокеанского региона от увеличения торговли между странами с открытой и прозрачной экономикой, поддерживающих свободные, справедливые и устойчивые торговые отношения. Ключевым компонентом такой экономической архитектуры, несомненно, является Транстихоокеанское партнёрство, которое объединяет США и ещё 11 стран. Это историческое содружество связывает страны, представляющие почти 40% мирового ВВП. Оно рассматривается Соединёнными Штатами как новаторское соглашение XXI в., в рамках которого не только рассматриваются вопросы тарифов, доступа к рынкам, инвестиций, но также обеспечиваются самые высокие стандарты по защите работников и окружающей среды. Ранее в этом году доктор Ларин и Институт любезно согласились провести встречу с Дэном Икэнсоном из Института Като в Вашингтоне (округ Колумбия), который рассказал о ТТП и его значении для региона. Он отметил тот факт, что Транстихоокеанское партнёрство открыто для других стран региона, готовых соответствовать стандартам в рамках данного соглашения. Как заявил секретарь Керри, это касается России и Китая. ТТП, следовательно, можно рассматривать как важный шаг к реализации идеи АТЭС об общерегиональной зоне свободной торговли.

У стран АТР, безусловно, есть интересы, выходящие за пределы региона. Так, например, всё больше возрастает их интерес к Арктике. И в то время как Россия и Соединённые Штаты, будучи собственно арктическими державами, являются одними из восьми членов Арктического Совета, ряд стран Азиатско-Тихоокеанского региона, включая Китай, Японию, Республику Корея, Сингапур и Индию, имеют статус наблюдателя. Это важно, если задуматься об открытии Северного морского пути и его потенциальном влиянии на Азиатско-Тихоокеанскую торговлю. По мере того как будет повышаться востребованность пути через Арктику для судоходства, будет возникать необходимость координации мер реагирования на стихийные бедствия на море. Форум подразделений береговой охраны Северной части Тихого океана, который включает в себя Россию, Корею,

Японию, Китай, Канаду и Соединённые Штаты, был, в частности, создан, чтобы способствовать развитию сотрудничества, и два года назад одно из ежегодных заседаний данного форума состоялось во Владивостоке. В прошлом году у берегов Чукотки затонул корейский рыболовный траулер. К сожалению, многие члены экипажа погибли, а выжившие были спасены благодаря взаимодействию России, Кореи и США, которое поддерживается в рамках форума. Как многие из вас знают, Соединённые Штаты в настоящее время председательствуют в Арктическом Совете, и один из их главных приоритетов в этой роли в течение ближайших двух лет — смягчить последствия изменения климата в Арктике.

Позднее в этом месяце представители стран всего мира встретятся в Париже на Саммите ООН по изменению климата с целью достижения самого грандиозного соглашения об изменении климата на период после 2020 г. Мы надеемся достичь в Париже таких результатов, которые, как это было в случае Транстихоокеанского партнёрства в этом регионе, будут мощным сигналом мировому рынку, сообщающим, что защита окружающей среды должна стать частью любого бизнес-уравнения. А пока мы приветствуем тесное сотрудничество со многими странами Азиатско-Тихоокеанского региона по проблемам изменения климата. В их числе и совместные исследовательские проекты США и России по сокращению выброса чёрных углеродов (сажи) в Арктике.

Усилия правительства США по изменению стратегического фокуса в Азиатско-Тихоокеанском регионе также включают элемент, отражающий нашу оборонную тактику в АТР. В ближайшие годы мы будем продолжать укреплять Гуам в качестве стратегического центра в западной части Тихого океана. И к 2020 г. 60% американского военно-морского флота будет размещаться на Тихом океане. Тем не менее я надеюсь, моё выступление сегодня показывает, что подобная перебалансировка определяется не американским военным присутствием в регионе, а более глубоким политическим и экономическим взаимодействием, которое будет способствовать ещё большей безопасности и процветанию всех стран АТР.

Не менее важно и то, что перебалансировка также определяется нашей верой в эффективность «мягкой силы» или народной дипломатии. Примером может служить «Инициатива молодых лидеров Юго-Восточной Азии» («Young Southeast Asian Leaders Initiative»). Это программа, которая даёт возможность молодёжи региона посетить США для изучения основ предпринимательства. Ещё один пример — инициатива «Нас один миллион» («One Million Strong»), цель которой — обучить один миллион американских студентов пекинскому диалекту китайского языка к 2020 г. Также примером народной дипломатии является программа «Korea WEST»: «Work, English Study, Travel» («Работай, учи английский, путешествуй»), по которой с 2009 г. свыше двух тысяч корейских студентов побывали в США. Такие контакты на уровне простых людей закладывают основу для

взаимопонимания и взаимоуважения между гражданами наших стран, и, как показывает опыт, это расширяет и укрепляет наши двусторонние отношения.

В заключение позвольте напомнить, что в Азиатско-Тихоокеанском регионе проживает две трети населения мира, здесь расположены три крупнейшие экономики. Связи Соединённых Штатов очевидны. Мы — крупнейший источник иностранных прямых инвестиций в данный регион. Наши торговые отношения превышают 1 трлн долл. ежегодно. Более 18 млн граждан США считают себя американцами азиатского происхождения. Исключительному росту АТР за последние десятилетия мы способствовали с самого начала, и мы намерены поддерживать его и дальше. Таким образом, приверженность США этому региону во втором десятилетии XXI в. будет сохраняться.

Политика США в отношении Северной Кореи:

ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ

Лариса Николаевна Гарусова,
главный научный сотрудник ИИАЭ ДВО РАН

На протяжении двух последних десятилетий Северная Корея входит в перечень стран, особенно значимых для американской внешней политики. К началу второго десятилетия XXI в. закончилась эпоха шестисторонних переговоров (с участием США, Южной Кореи, Японии, Китая и России) по вопросам, связанным с Северной Кореей. Однако Вашингтон ещё не потерял надежду на их возобновление. Политика Соединённых Штатов в отношении КНДР на протяжении ряда лет варьируется между стратегией вовлечения Пхеньяна в двусторонние или многосторонние отношения и осуждением его политики как части мировой «оси зла». Центральным объектом внимания Вашингтона являются ракетная и ядерная программы Пхеньяна как главные угрозы региональной и глобальной безопасности. Основным средством нейтрализации северокорейского ядерного вызова Соединённые Штаты признают *денуклеаризацию* Корейского полуострова, то есть отказ КНДР от своих ядерных и ракетных ресурсов.

Экспертные заключения, неоднократно делавшиеся исследовательской службой Конгресса (CRS), доказывают, что в условиях «катастрофической экономической ситуации в Северной Корее» существует опасность, что КНДР будет продавать ядерные технологии другим ненадёжным политическим режимам или негосударственным акторам: очевидный потенциальный заказчик — международные террористические организации. Кроме того, ядерное оружие Северной Кореи является прямой угрозой безопасности её соседей по региону, включая союзников США — Республику Корея и Японию.

В переговорах по северокорейской ядерной проблеме наряду с США участвуют региональные державы: Китай, Россия, Япония и Южная Корея, взаимодействие которых формирует основу международных отношений в Северо-Восточной Азии. Союзники постоянно подчёркивают значимость своих взаимоотношений. Например, президент Республики Корея Пак Кын Хе во время недавнего (16 октября 2015 г.) визита в Вашингтон назвала альянс США с Южной Кореей опорой региональной безопасности, а президент Обама подчеркнул его «нерушимость»¹.

В ответ на обвинения Вашингтона в распространении ядерных технологий в странах с «опасными» режимами Северная Корея требует от США официального

¹ North Korea reportedly willing to sign peace treaty with US to end conflict // FoxNews. October 18, 2015: FOXNEWS.COM. URL: <http://www.foxnews.com/politics/2015/10/18/north-korea-reportedly-seeks-to-end-conflict-with-us-with-peace-treaty> (дата обращения: 02.11.2015).

признания себя в качестве ядерной державы и предшествования мирного договора с Соединёнными Штатами денуклеаризации страны. В последний раз с подобным обращением к США КНДР выступила 2 октября 2015 г. на 70-й Генеральной ассамблее ООН. Понятно, что в случае выполнения данных требований задача денуклеаризации Корейского полуострова станет абсолютно невыполнимой.

Администрация президента Барака Обамы с 2009 г. проводит в отношении КНДР политику, направленную на сохранение самой возможности её денуклеаризации. Она нацелена на вовлечение Северной Кореи в переговорный процесс с Соединёнными Штатами при условии свёртывания северокорейских ракетно-ядерных программ и улучшения «межкорейских» отношений.

Политика США относительно КНДР в текущем десятилетии прошла несколько этапов. Первый из них условно можно назвать этапом осторожных надежд. Смерть лидера северокорейского государства Ким Чен Ира в декабре 2011 г. и переход власти к его преемнику — младшему сыну Ким Чен Ёну — породила (на какое-то время) в политико-академических кругах США надежду на оживление американо-северокорейского диалога. Некоторые американские эксперты возлагали надежды на «демократический потенциал» молодого северокорейского лидера, связанный с его европейским школьным образованием и знакомством с западными ценностями.

Помимо нейтрально-позитивных оценок перспектив будущей политики КНДР с новым лидером имели место и алармистские прогнозы, исходящие из неизбежности борьбы за власть внутри северокорейской элиты, которая приведёт к дестабилизации режима, голоду, беженцам, а главное — к потере централизованного контроля над ядерным оружием. В этом случае Китай, Южная Корея и Соединённые Штаты вторгнутся в страну, чтобы обеспечить безопасность границ, гуманитарную помощь и сохранность ядерного оружия Пхеньяна. Такое многонациональное вторжение может привести к региональной войне США и их союзников с Китаем².

В неопределённых и даже смутных условиях транзита власти в Северной Корее усложнилась задача формирования оптимальной внешней политики США в отношении КНДР. В большинстве своём американские эксперты видели два её возможных вектора. Первый — усиление давления на северокорейский режим. Такая политика основана на уверенности в том, что КНДР никогда не откажется от своего ядерного оружия, поэтому переговоры с Пхеньяном на предмет денуклеаризации Корейского полуострова бессмысленны. Второй путь — искать возможности вовлечения страны в диалог с Соединёнными Штатами и их союзниками. Цель политики «вовлечения» — ограничение ядерных возможностей Пхеньяна. Вовлечение может послужить хотя бы фактором, сдерживающим

² Гарусова Л.Н. Северная Корея в период транзита власти в оценках американского политико-академического сообщества (2011—2012 гг.) // Россия и АТР. 2012. № 2. С. 78—92.

ядерное и ракетное развитие Северной Кореи в том случае, если окончательная цель денуклеаризации не будет достигнута в ближайшем будущем. В возобновлении двусторонних переговоров между США и КНДР — а в перспективе и шестисторонних переговоров по ядерной проблеме — виделась главная задача современной внешней политики США. По всем признакам сейчас администрация США в большей степени склоняется к данному варианту.

Практически всё американское политико-академическое сообщество уверено, что «цивилизованное» сотрудничество с Северной Кореей возможно только в условиях трансформации её правящего режима, которую может обеспечить политика «разрушительного вовлечения». Она включает в себя меры подрыва тоталитарного режима изнутри через внедрение в него чужеродных элементов: распространение в КНДР совместных предприятий, рыночных отношений и иностранного радиовещания, демонстрацию преимуществ западного образа жизни, наполнение северокорейских рынков южнокорейскими цифровыми медийными средствами и налаживание обменных программ с США, Южной Кореей и т.д.

В первые месяцы транзита власти в КНДР политика США была направлена на укрепление союзнических отношений с Японией и Республикой Корея, чтобы совместными усилиями противостоять возможной агрессии Пхеньяна, а также на усиление координации действий с Китаем. Усилия американской дипломатии привели к возобновлению диалога Вашингтон — Пхеньян на условиях, одобренных ещё прежним руководством КНДР. Они не стали «прорывом» или новым шагом в истории взаимоотношений двух стран и свелись к традиционному соглашению «продовольствие в обмен на приостановку ядерной программы».

В свою очередь, Северная Корея запуском баллистической ракеты в конце 2012 г. и ядерным испытанием 12 февраля 2013 г. дала миру понять, что не собирается отказываться от своей ракетно-ядерной программы, в очередной раз поставив Северо-Восточную Азию на грань войны. Это вызвало новый этап американской политики, который можно охарактеризовать *периодом разочарований*.

Официальная позиция Вашингтона в отношении Северной Кореи была сформулирована президентом Б. Обамой следующим образом: ядерное оружие и программа баллистических ракет Северной Кореи «представляют угрозу как для национальной безопасности США, так и для безопасности и мира на всей планете». Неизменным остаётся намерение Соединённых Штатов обеспечить безопасность союзников — Южной Кореи и Японии. Вашингтон в это время напрямую связывал политику Пхеньяна с возможностью повторения его провокационного сценария другими «безответственными» режимами, стремящимися к обладанию ядерным оружием, например, Ираном.

Наряду с «мирными» средствами влияния на Пхеньян по-прежнему важнейшим инструментом давления остаётся возможность американского

военного вмешательства в ситуацию на Корейском полуострове. Для этого в США имеются разработанные в 1990-е и 2000-е гг. оперативные планы. Из них следует, что вторжение американских вооружённых сил на территорию Северной Кореи возможно, *но только после* начала военных действий КНДР против Южной Кореи. В настоящее время американский план полномасштабной войны заменяется другим, ориентированным на «асимметричные и нерегулярные военные угрозы». Переходный период рассчитан на 2010—2015 гг., что затрудняет реализацию обоих планов в случае форс-мажорных обстоятельств.

Усложнение обстановки на Корейском полуострове зимой — весной 2013 г. выявило ряд разногласий между союзниками. Так, Республика Корея оказалась не готова взять на себя ответственность в соответствии с новым планом, где она должна осуществлять военное командование, а также руководство последующими переходными процессами. Желание Сеула переложить на Вашингтон принятие решений и конкретные действия наглядно проявляется в сюжете о превентивных ударах против военных ядерных объектов Пхеньяна. В ходе совместных учений южнокорейская сторона предлагала вооружённым силам США нанести превентивный удар по ядерным целям КНДР. По заявлениям официальных лиц в 2013 г. (В. Нуланд), США не исключали такой возможности, хотя в действительности решительно избегали этого. По мнению американских экспертов, воздушные и ракетные удары имеют большие шансы полностью уничтожить северокорейскую ядерную программу и системы доставки средств поражения, однако при этом масштаб сопутствующего урона может превысить возможный позитивный результат. Радиоактивные материалы с разрушенных ядерных объектов широко распространятся по территории Северной и Южной Кореи, а также Японии и США, вызвав масштабное загрязнение среды и жертвы среди гражданского населения. Сеул, по всей вероятности, будет разрушен. Ракеты средней дальности «Нодон», если их удастся вовремя запустить, могут ударить по Японии и базам США, а ракеты дальнего действия «Тэйподон» или их аналоги могут долететь до Соединённых Штатов. Таким образом, США готовы отвечать на точечные и асимметричные угрозы КНДР, но не хотят участвовать в полномасштабной второй Корейской войне.

С этого времени начинается этап тщательного мониторинга ситуации на Корейском полуострове и (несколько позже) снижения интереса Вашингтона к КНДР на фоне более важных международных событий (российско-украинского кризиса, вооружённого конфликта в Сирии и т.д.).

В докладе директора Национальной разведки США Джеймса Клэппера в Конгрессе от 29 января 2014 г. обозначены главные угрозы, исходящие от Северной Кореи: кибертерроризм и кибератаки, оружие массового уничтожения и программа создания межконтинентальных баллистических ракет.

Если ядерная программа — это уже «привычная», традиционная угроза северокорейского режима, то кибертерроризм рассматривался как новая реальная

угроза, что подтвердили последующие события. Именно кибератака хакеров КНДР на американскую компанию Sony Pictures Entertainment стала главной проблемой и сюжетом в американско-северокорейских отношениях на рубеже 2014—2015 гг.

В середине декабря 2014 г. президент США Барак Обама пообещал дать «пропорциональный ответ» на эту хакерскую атаку в преддверии премьеры комедии «Интервью». В заявлении госсекретаря Соединённых Штатов Джона Керри от 19 декабря 2014 г. (которое можно считать отражением официальной позиции американского государства) говорится, что США осуждают Северную Корею за кибератаки против Sony Pictures Entertainment и считают неприемлемыми угрозы в адрес кинотеатров и зрителей. «Эти действия — наглая попытка изолированного режима подавить свободу слова и задушить творческое самовыражение художников за пределами своей страны. Угрозы в киберпространстве представляют один из величайших вызовов национальной безопасности США». Тем самым официально Вашингтон признаёт, что именно кибертерроризм становится главной угрозой американской безопасности.

В ответ на кибератаку президент Барак Обама подписал 2 января 2015 г. указ о санкциях, вводимых в отношении трёх организаций и десяти человек. Они были названы первым шагом по наказанию КНДР за многочисленные провокации, включая кибертерроризм. Ранее санкции США вводились только в связи с ядерной программой КНДР и впервые — в качестве ответа на кибератаку, что вызвало бурный протест и осуждение в Северной Корее. В дальнейшем санкции были расширены и распространены на большее число акторов.

Соединённые Штаты тщательно отслеживают внутреннюю ситуацию в Северной Корее, в том числе и на предмет возможных новаций и модернизации режима. Например, в докладе Исследовательской службы Конгресса 2014 г. отмечаются некоторые перемены в корейском обществе. На фоне укрепления влияния и консолидации своей власти Ким Чен Ын позволил некоторое «западное влияние» в стране, в том числе диснеевских персонажей и европейский стиль в одежде, он неформален в своих частых появлениях на публике. Ким старается выглядеть современным и в то же время вызывать ассоциации с имиджем своего деда Ким Ир Сена — «простого человека из народа». По мнению экспертов, не следует преувеличивать степень модернизации корейского общества. Изменения, происходящие сегодня в Северной Корее, касаются только отдельных групп населения — преимущественно «привилегированных обитателей Пхеньяна — и включают в себя такие позиции, как новые смартфоны и европейская косметика — роскошь, доступная лишь верхушке элиты всего несколько лет назад». Перемены не затрагивают сознание широких масс и официальную идеологию и скорее имитируют перемены, чем являются действительными инновациями.

В 2014—2015 гг. Вашингтон стал проявлять меньший интерес к событиям на Корейском полуострове. Возможно, это связано с относительно традиционной линией внешнеполитического поведения Пхеньяна, требующей таких же

стандартных реакций. Однако главным объяснением причин подобного «невнимания» является то, что в настоящее время США реагируют главным образом на ключевые международные проблемы, от которых зависит их международное лидерство и престиж, — это ситуации на Украине и Ближнем Востоке, а также взаимоотношения самого Вашингтона с Китаем.

О снижении интереса США к проблемам Корейского полуострова косвенно свидетельствует и распространение в американской элите и обществе идеи «нуллификации» ряда союзнических договоров в АТР. Она сводится к тому, что политика союзов, проводимая Америкой много лет в Пасифике, может сегодня быть опасной для самих Соединённых Штатов. Например, если произойдёт конфликт между Севером и Югом на Корейском полуострове, то США неизбежно будут втянуты в огромную и совершенно ненужную им войну. В целом же асимметричные отношения Америки с союзниками могут вовлечь её в нежелательные или даже бессмысленные конфликты. Таким образом, напрашивается очевидный вывод: США должны пересмотреть свои внешнеполитические принципы и приоритеты. Сегодня они бесполезны или даже опасны для Америки.

Однако не следует преувеличивать степень невнимания Соединённых Штатов к выпадам и угрозам Пхеньяна. Так, запуск 7 февраля 2015 г. пяти северокорейских ракет малой дальности, обмен артиллерийскими ударами Северной и Южной Кореи 20 августа 2015 г., заявление Ким Чен Ына 10 октября 2015 г. о том, что Северная Корея готова к войне с США³ и т.п. встретили сдержанную реакцию Вашингтона. Например, в ответ на угрозы Пхеньяна ответить «возмездием» на американо-южнокорейские учения в августе 2015 г. Пентагон заметил, что ознакомился с заявлением северокорейской стороны, но оно никак не повлияет на программу учений⁴.

Официальная политика Соединённых Штатов в отношении Северной Кореи остаётся неизменной и базируется на требовании её денуклеаризации. США по-прежнему готовы сотрудничать с РФ, КНР, РК и Японией по данному вопросу. Вашингтон, как и раньше, отвечает санкциями на угрозы и вызовы Пхеньяна, в том числе и на новые (кибератаки), избегая при этом вооружённой конфронтации с северокорейским режимом.

Наибольший (среди американских государственных структур) интерес к ситуации в КНДР в настоящее время проявляет Госдепартамент США в лице своего уполномоченного представителя по Северной Корее г-на Сун Кима. Например, 13 января 2015 г. Сун Ким выступил перед членами комитета по

³ Kim Jong-un: North Korea is ready to fight US // Theguardian. 10 October 2015. URL: <http://www.theguardian.com/world/2015/oct/10/north-korea-military-parade-marks-70th-anniversary-of-workers-party> (дата обращения: 02.11.2015).

⁴ Северная Корея угрожает ударить по США «неизвестным миру» оружием // ASIA-Plus: информационно-новостной портал. URL: <http://news.tj/ru/news/severnaya-koreya-ugrozhaet-udarit-po-ssha-neizvestnym-miru-ozuzhiem> (дата обращения: 02.11.2015).

международным делам Конгресса с сообщением о ядерной программе КНДР, проблеме денуклеаризации Корейского полуострова и позициях по данному вопросу заинтересованных стран (Республики Корея, Японии, США, Китая и России), которые, как он отметил, совпадают.

Аналогичное выступление Сун Кима перед членами сенатского комитета по международным делам состоялось 20 октября 2015 г. Его мнение можно расценивать как официальную позицию Вашингтона. Она традиционна, нацелена на денуклеаризацию Северной Кореи и включает два главных компонента: использование Соединёнными Штатами собственных возможностей и ресурсов для оказания воздействия на КНДР и использование рычагов влияния международного сообщества в лице как стран-партнёров по шестисторонним переговорам, так и Совета Безопасности ООН⁵. Например, в совместном заявлении по итогам встречи президентов США и Республики Корея 16 октября 2015 г. сказано: «Если Северная Корея решит запустить ещё одну ракету в космос или проведёт ядерные испытания, то это приведёт к последствиям, включая поиск дальнейших существенных мер со стороны СБ ООН».

Таким образом, в настоящее время в отношениях США — КНДР сложилась тупиковая ситуация классического «конфликта сторон с противоположными позициями». Аналогичные конфликты на Ближнем Востоке в 1970—1980-е гг. успешно разрешали представители Гарвардской школы конфликтологии Р. Фишер и У. Юри, переводя их в плоскость поиска участниками конфликта общих интересов или обращаясь к авторитетному посреднику. Возможно, Соединённым Штатам есть смысл воспользоваться этим подходом снова.

⁵ United States Senate Committee on Foreign Relations. URL: <http://www.foreign.senate.gov> (дата обращения: 30.10.2015).

Политика США в отношении Республики Корея: итоги и перспективы

Игорь Анатольевич Толстокулаков,
заведующий Центром международных отношений
ИИАЭ ДВО РАН

Полтора десятилетия, прошедшие с начала XXI в., убедительно показывают, что смена администрации США, как правило, не приводит к существенным переменам в американской политике по отношению к Корее. С конца Второй мировой войны полуостров остаётся буферной зоной, обеспечивающей защиту жизненно важных национальных интересов Соединённых Штатов от нарастающего «континентального давления» со стороны Китая и СССР/России, поэтому Вашингтон придаёт этому направлению внешней политики важное значение, выходящее далеко за пределы региональной безопасности и стабильности в Северо-Восточной Азии. Развитие отношений с Республикой Корея, сдерживание ядерных амбиций Пхеньяна, определение перспектив объединения Кореи тесно связаны со сложным процессом регионального межгосударственного взаимодействия США, Японии, Китая, России и, разумеется, двух корейских государств¹.

Первостепенным принципом, если хотите — основой корейской политики Вашингтона, является сохранение традиционного, проверенного временем военно-политического альянса с Южной Кореей. Сеул не возражает против своей союзнической роли, однако с конца 1990-х гг. мы наблюдаем достаточно серьёзные колебания в, казалось бы, незыблемой сфере американо-южнокорейского альянса. Данные трансформации обусловлены рядом причин, как внутреннего (разумеется, для Республики Корея), так и внешнего свойства.

Внутренние причины связаны с нарастающей в Южной Корее конкуренцией за власть между консервативным и демократическим лагерями политической элиты. Каждая избирательная кампания, и особенно президентская, обостряет давно назревшую национальную проблему, а именно: насколько *самостоятельным* является южнокорейское государство и не пора ли снижать степень зависимости от Вашингтона.

Понятно, что демократические круги и на словах, и на деле стремятся уйти от традиционной опеки Соединённых Штатов или, по крайней мере, ослабить их удушающие объятия. Именно эту тенденцию демонстрировали с конца 1990-х гг. две последовательно сменившие друг друга администрации президентов Ким

¹ Turning Point in Korea: New Dangers and New Opportunities for the United States / Ed. by Selig S. Harrison. Chicago, 2003. Pp. 17—18.

Тэджунa и Но Мухёна. Чтобы проиллюстрировать данный тезис, достаточно напомнить, что при Но Мухёне США пошли на чрезвычайно важный шаг: передали ответственность за охрану демилитаризованной зоны вооружённым силам РК. Южнокорейские консерваторы, напротив, не склонны к коренному преобразованию в отношениях с Вашингтоном, и их приход к власти знаменуется обратным движением к упрочению союзнических отношений.

Касательно внешних обстоятельств отметим динамично изменяющуюся геополитическую ситуацию в СВА, подталкивающую Сеул к необходимости создавать новые региональные альянсы, влияние Соединённых Штатов на которые не столь очевидно. Это и установление многочисленных экономических мостов с КНР, и готовность использовать признаваемое РК влияние России на состояние межкорейского диалога, и многое другое.

Полагаем нужным отметить также то внешнее обстоятельство, которое не является новым, но приобрело остроту в последние несколько месяцев — это противоречия с Японией, ещё одним военно-политическим союзником США в Восточной Азии. Возьмём на себя смелость утверждать, что политический истеблишмент Кореи сейчас находится в замешательстве по поводу перемен в оборонной стратегии Токио. РК понимает, что её островной сосед принял известное решение о возможном использовании вооружённых сил за рубежом и новую трактовку известного конституционного положения не без влияния и не без согласования с Вашингтоном. Но никто и не подумал учесть позицию Южной Кореи. Получается, что у США в Северо-Восточной Азии есть один любимый и один менее любимый, или менее значимый, союзник. Сеул очень болезненно реагирует на это. Дрогнули даже консерваторы, вставшие перед выбором: что для Кореи традиционнее — союз с США или же не особо дружественное, мягко говоря, отношение к Японии.

Думается, Соединённым Штатам придётся приложить немало усилий, чтобы выйти из этого положения. Тем более что вся внутривнутриполитическая жизнь Южной Кореи уже определяется предстоящими в апреле 2016 г. парламентскими и в декабре 2017 г. президентскими выборами. Можно предположить, что демократическая оппозиция охотно воспользуется антиамериканскими настроениями, обострившимися на фоне проблемы милитаризации Японии. Вынуждены будут реагировать на это и консерваторы, поэтому вряд ли двусторонние отношения Сеула и Вашингтона сохранят тот ренессансный потенциал, который был обеспечен приходом в Голубой дом администрации президента Ли Мёнбака в 2008 г. и сохранялся на протяжении семи лет. Перемены, конечно, грядут, но какого рода? Ответить на этот вопрос мы пока не берёмся, в любом случае придётся набраться терпения и ждать исхода президентской избирательной кампании в Южной Корее.

Что касается американцев, то здесь, наверное, всё проще. РК не добилаcь самостоятельного решения проблемы национальной безопасности, да в общем-то,

не очень к этому стремилась. Определяя конкретное содержание своей корейской политики, Вашингтон исходит из непреложного и проверенного временем факта — зависимости Сеула от военной и политической поддержки США. Американские войска были, есть и ещё долго останутся на полуострове. Соединённые Штаты сохраняют своё присутствие в любом направлении политических действий вокруг Корейского полуострова. Но при этом в политике Вашингтона наблюдаются некоторые трансформации. В последние годы меняющиеся администрации США сохраняют преемственность в вопросе постепенного делегирования бремени защиты южнокорейской территории вооружённым силам Республики Корея.

Постепенное смягчение режима американской опеки очевидно, на этом фоне логично выглядят меры Сеула по стимулированию собственных ракетных и других передовых военных технологий, не так давно появилась информация о поисках в сфере ядерных технологий двойного назначения. США не возражают, а правильнее даже сказать — поддерживают стремление Южной Кореи к большей в сравнении с недавним прошлым самостоятельности. По крайней мере, в оборонном контексте: РК должна быть готова к поддержанию национальной безопасности в условиях постепенного сокращения американского военного присутствия. Однако мы говорим только о «физической» стороне дела, Вашингтон не позволит Сеулу не то что освободиться от уз политического союза, но даже попытаться стать самостоятельнее в политическом смысле.

Нам могут возразить: а как же отказ Республики Корея поддержать антироссийский санкционный режим? Здесь всё очень непросто, и многие вещи по понятным причинам остаются неизвестными даже специалистам. Но профессиональный опыт и интуиция подсказывают нам, что лояльная позиция Сеула не избежала согласования с Соединёнными Штатами. И согласие Вашингтона или его нейтральная позиция диктуются особыми условиями на Корейском полуострове, управлять которыми без участия России уже не получается. Не будь корейской проблемы во всём её многообразии, альянс Вашингтон — Токио — Сеул был бы единым в вопросе о санкциях. Повторим, что ничем иным, кроме собственных ощущений, доказать данный тезис мы не можем.

Пару лет назад в этой же аудитории мы делали комплимент администрации президента Обамы, которая в корейском вопросе, на наш взгляд, заняла более адекватную позицию, чем её предшественники. И на личном опыте мы в этом продолжаем убеждаться, поскольку ряд бесед с представителями американской стороны убедили нас, что корейское направление политики США теперь формируется не без участия профессионалов-востоковедов. Полагаем, что свобода выбора не в пользу санкций была предоставлена Сеулу опять же не без их влияния.

Тем не менее политический и военный истеблишмент Соединённых Штатов далеко не однороден в оценке целей и задач американской политики на Корейском полуострове. Мы наблюдали её постоянные корректировки в связи со сменой администраций Б. Клинтона, Дж. Буша, Б. Обамы. Если Клинтон демонстрировал

относительно «мягкий» курс и готовность найти компромисс с Пхеньяном в ходе двустороннего и многостороннего диалога, то при Буше возобладала позиция «ястребов», стремящихся сохранить статус США как супердержавы, не допустить появления на мировой арене конкурирующей силы и «разобраться» с государствами, представляющими какую-либо угрозу интересам Вашингтона.

Б. Обама ушёл от крайностей Буша, действует на Корейском полуострове деликатнее и осторожнее, но ни при каких условиях не вернётся к «мягкому» варианту Клинтона. Можем мы подчеркнуть и не всегда последовательные шаги в корейском направлении — разумеется, в отношении КНДР. Но чётко отделить южнокорейский вектор политики Соединённых Штатов от северокорейского практически невозможно.

По вполне очевидным причинам политика Вашингтона в отношении Сеула формируется под влиянием ещё одного фактора — северокорейского. Его можно определить и как внутренний, и как внешний — смотря откуда вести наблюдение. Не будем повторять сказанное профессором Л.Н. Гарусовой, но сделаем акцент на том, какой бы нам хотелось видеть политику США на Корейском полуострове.

В ситуации, складывающейся вокруг КНДР, все заинтересованные и тем более имеющие реальное влияние государства должны проявлять взвешенность и сдержанность, исходить из объективных данных о существовании проблемы. Делать всё, чтобы не нарушать хрупкое равновесие, формирующееся с начала 2000-х гг. Многие испортило консервативное руководство самой Южной Кореи, но и Вашингтон выглядит далеко не безупречно. Основания так говорить имеются — чего стоит одна только летняя история с возобновлением антисеверокорейской пропаганды, «случайно» совпавшей с совместными военными учениями на юге полуострова. Никогда не поверим, что Сеул не обсудил эту акцию с американцами. Не знаем, какой совет США дали южнокорейскому руководству, но события произошли и не прибавили нашему региону мира и спокойствия.

Мы живём рядом с Корейским полуостровом и не можем не реагировать на то, что там происходит. Приходится констатировать, что Соединённые Штаты всё глубже проникают в стратегически и экономически важный, но политически нестабильный регион Северо-Восточной Азии. Они стараются «придерживать» набирающий обороты Китай, полагая, что союзные Япония и Южная Корея поддержат американскую политику. Это факт, и мы вынуждены его учитывать, но очень хотелось бы, чтобы Вашингтон помнил: в СВА есть ещё и Россия, и с ней тоже нужно считаться.

Да и с союзником в лице Южной Кореи всё не так однозначно. Сеул беспокоится, что укрепление военно-политических связей с США до уровня зависимости, характерной для прошлого века, уже мешает решению межкорейских проблем, поэтому непреложным является участие Пекина и Москвы. Далеко не факт, что консерваторы сохранят власть. Тогда современная оппозиция будет стремиться к реваншу, и качели опять качнутся в другую сторону.

На этом фоне альтернативы прямому диалогу США и КНДР, в том числе по признанию последней полноправным участником мирового сообщества с определенными встречными условиями, просто нет. Согласимся, что такой сценарий сегодня выглядит фантастическим, особенно с учётом октябрьского официального отказа Вашингтона от любых контактов по подготовке мирного договора с Пхеньяном.

Поэтому единственным реально действующим инструментом сохранения стабильности в СВА остаётся шестисторонний переговорный процесс, со всеми его достоинствами и недостатками, который необходимо избавить от формы «игры в одни ворота». В этой связи следует помнить, что, как показывает практика, безальтернативный нажим на КНДР на переговорах лишь подталкивает Пхеньян к ответным жёстким действиям.

Много раз уже было сказано, но повторим снова: никому из соседей КНДР по СВА не нужно стремительное падение власти Ким Чен Ына. Оно может привести к серьёзному осложнению ситуации в регионе. Признавая необходимость перемен в Северной Корее, не отрицая права её граждан на демократические свободы, воспринимая в условиях современного мира тоталитарную систему этой страны как анахронизм, мы всё же настаиваем на необходимости эволюционной трансформации КНДР. Лишь постепенное её включение в мировое сообщество совместными усилиями США, Китая и России могло бы обеспечить условия для экономической и постепенной политической модернизации северокорейского режима.

Альянсы США в Азиатско-Тихоокеанском регионе и контригра Китая

Артём Леонидович Лукин,
заместитель директора ВИ — ШРМИ ДВФУ

В современной международной системе США по-прежнему являются бесспорным лидером по числу и географическому охвату поддерживаемых альянсов. Список американских союзников насчитывает около 60 стран¹. Если для младших партнёров Вашингтона альянс с ним — прежде всего способ обезопасить себя от географически близких угроз, то для самой Америки союзнические отношения с другими государствами — один из важнейших инструментов сохранения и укрепления глобальной гегемонии. Неудивительно, что большинство военно-политических союзников Вашингтона сосредоточены в трёх ключевых геополитических регионах: в Европе, на Ближнем Востоке и в Тихоокеанской Азии.

В Азиатско-Тихоокеанском регионе система американских двусторонних альянсов, которую именуют сан-францисской², или системой «оси и спиц» (*hub and spokes*), включает восемь государств: Японию, Австралию, Южную Корею, Филиппины, Таиланд, Сингапур, Новую Зеландию, Тайвань. Причем отношения с тремя последними правильнее назвать военно-политическим партнёрством или квазисоюзничеством, поскольку отсутствуют формальные договоры об альянсе с Вашингтоном. В то же время Сингапур, Новая Зеландия и Тайвань поддерживают с США тесное военно-политическое сотрудничество и, очевидно, могут рассчитывать на прямую поддержку своего могущественного партнёра в случае угрозы со стороны третьего государства.

Иногда в список союзников и квазисоюзников Соединённых Штатов в АТР включают и другие страны. Чаще всего называют Индию, Вьетнам и Индонезию. Вряд ли это корректно: несмотря на то, что данные государства всё активнее сотрудничают с Америкой в ряде военно-политических областей, их партнёрство с Вашингтоном носит ограниченный и ситуативный характер. В отличие от восьми вышеназванных союзников Вашингтона Индия, Вьетнам и Индонезия не могут рассчитывать даже на минимальные гарантии безопасности со стороны американцев в случае серьёзной внешней угрозы. Верно и обратное: Дели, Ханой и

¹ Joseph Nye. The Future of U.S.-China relations. China-US Focus, March 10, 2015. URL: <http://www.chinausfocus.com/foreign-policy/the-future-of-us-china-relations> (дата обращения: 02.11.2015).

² По названию мирной конференции 1951 г., которая прошла в Сан-Франциско и заложила основу послевоенного порядка в АТР с доминирующей ролью США. Союзные договоры Соединённых Штатов с Японией, Австралией и Новой Зеландией, Филиппинами были сформулированы «на полях» мирной конференции и приняты сразу после неё. Остальные союзные соглашения были подписаны в следующие три года (с Южной Кореей, Тайванем, Таиландом).

Джакарта отнюдь не готовы брать на себя встречные обязательства по защите геополитических интересов США.

В годы холодной войны главным объектом, против которого была нацелена сан-францисская система, выступал СССР и его коммунистические союзники. Распад Советского Союза на некоторое время поставил под сомнение смысл американоцентричных альянсов в АТР, однако уже к концу 1990-х гг. место нового объекта сдерживания прочно занял Китай, подъём и растущие амбиции которого начали вызывать всё больше опасений как у его азиатских соседей, так и у Соединённых Штатов.

Сан-францисская система испытывает сегодня наиболее серьёзный вызов с момента своего формирования в начале 1950-х гг., что в первую очередь обусловлено меняющимся соотношением сил между США и Китаем.

Вашингтон делает ставку на логику балансирования, в соответствии с которой страны, находящиеся по соседству с усиливающимся и амбициозным крупным государством, ищут защиту от потенциальной угрозы путём укрепления связей с внешними державами. Наблюдающееся с конца 1990-х гг. укрепление альянсов США с рядом ключевых стран Восточной Азии — в котором азиатские союзники, пожалуй, до сих пор проявляли не меньшую заинтересованность, чем Вашингтон — свидетельствует о том, что балансирование сохраняет свою актуальность.

Однако укрепление сан-францисской системы может довольно быстро смениться её эрозией. Пекин, который долгое время мирился с системой «оси и спиц», судя по всему, взял курс на её постепенный демонтаж. При этом на руках у КНР внушительные козыри: растущее экономическое влияние и увеличивающаяся военная мощь. Главная задача китайской дипломатии заключается в том, чтобы, используя экономические и силовые рычаги, убедить азиатских союзников Вашингтона, что сохранение тесных отношений с Соединёнными Штатами несёт им больше издержек, чем выгод. Наиболее лояльные союзники США, участвующие, по мнению Пекина, в «окружении Китая», должны быть готовы к повышенному риску экономических санкций и даже военных конфликтов с Поднебесной, повод для которых могут дать прежде всего территориальные споры. При этом Пекин не всегда настаивает на том, чтобы его соседи разорвали союзнические договоры с Вашингтоном. КНР вполне устроит, если формально альянсы сохранятся, но при этом утратят реальное военно-политическое наполнение и тем самым перестанут угрожать безопасности Китая — как это уже практически произошло с Таиландом.

Складывающаяся в настоящее время модель отношений Пекина с его соседями по Восточной Азии, включая ряд нынешних союзников и партнёров США, приобретает некоторые общие черты с феноменом финляндизации. Возможно, в Восточной Азии существуют даже более благоприятные условия для финляндизации, чем в Европе, — если правы те, кто утверждает, что

восточноазиатские государства исторически склонны к сотрудничеству с сильным Китаем, а не к формированию коалиций против него.

Несмотря на негативные коннотации, которые зачастую сопровождают это понятие, финляндизация может стать оптимальным решением дилеммы безопасности в Восточной Азии³, позволяя КНР удовлетворить свои базовые потребности в безопасности, а её соседям — избежать участи прифронтовых государств в геополитическом соперничестве между Вашингтоном и Пекином.

Нельзя отрицать того, что финляндизация ведёт к частичному ограничению суверенитета. Восточноазиатским государствам придётся проводить свою политику (особенно в сфере безопасности) с постоянной оглядкой на Китай и с учетом его пожеланий. Но следует помнить, что их эффективный суверенитет и так ограничен гегемонией *Pax Americana*. Не исключено, что условия *Pax Sinica* покажутся многим в Восточной Азии гораздо менее обременительными. Финляндизация Восточной Азии отвечает в целом и интересам России. Выход ключевых стран региона из-под стратегического контроля Вашингтона ослабит региональную и глобальную гегемонию США, но в то же время не приведёт к абсолютному доминированию КНР в Азии, способствуя таким образом становлению полицентричного миропорядка.

Процесс финляндизации стран на китайской периферии только начался и не ясно, как долго он будет продолжаться и насколько далеко зайдёт. Для создания пояса государств, проводящих по отношению к Китаю политику дружественного нейтралитета, необходимо наличие как минимум двух условий.

Во-первых, КНР должна сохранять и наращивать свой экономический вес. Если экономика Поднебесной начнёт испытывать серьёзные трудности, Пекин лишится важнейшего рычага воздействия на своих соседей. Накапливающиеся проблемы в китайской экономике, ставшие очевидными в 2015 г., указывают на возрастающую вероятность неблагоприятного для КНР сценария.

Во-вторых, Поднебесной предстоит убедить страны Восточной Азии, что стратегического превосходства США в регионе больше не существует — как в силу изменившегося в пользу Китая соотношения военных потенциалов, так и в силу психологического «баланса решимости», когда Вашингтон в отличие от Пекина не склонен рисковать и повышать ставки в опасной игре. Иными словами, КНР должна развенчать репутацию Соединённых Штатов как главного гаранта региональной безопасности (то, что американцы именуют термином *credibility*). Поведение Китая в Южно-Китайском море во многом решает именно эту задачу. Бессилие американцев дать эффективный военно-политический ответ на китайскую экспансию в ЮКМ демонстрирует союзникам и партнёрам Вашингтона снижающуюся степень надёжности его гарантий и обязательств по защите статус-

³ Timo Kivimaki. Finlandization and the Peaceful Development of China // The Chinese Journal of International Politics. 2015. Pp. 139—166.

кво. Но нельзя исключать и того, что в Вашингтоне рано или поздно всё же примут решение повысить ставки и вступить в прямую конфронтацию с Пекином в ЮКМ.

В условиях такой неопределенности наиболее вероятным выглядит сценарий, при котором на протяжении следующих 10—15 лет стратегическая ситуация в Восточной Азии будет определяться сосуществованием и сочетанием разнонаправленных тенденций:

1. Балансирование в целях сдерживания Китая, в результате которого происходит укрепление некоторых старых и появление новых связей и элементов в рамках американоцентричной системы «оси и спиц».

2. Хеджирование, когда страны региона стараются максимально диверсифицировать свои стратегические связи, главным образом лавируя между двумя основными полюсами силы — Пекином и Вашингтоном.

3. Финляндизация, когда в ближнем зарубежье КНР формируется сфера её мягкого влияния из стран, которые не являются младшими союзниками или сателлитами Пекина и даже могут формально числиться союзниками США, но при этом воздерживаются от действий, которые могли бы нанести ущерб интересам безопасности своего гигантского соседа.

Остается открытым вопрос, какая из указанных трёх тенденций в конечном итоге возобладает.

Взгляды США на современный характер отношений с Японией:

сотрудничество и противоречия

Евгений Валерьевич Пустовойт,
научный сотрудник ИИАЭ ДВО РАН

По мнению ряда американских аналитиков и экспертов, Япония является одной из самых успешных в мире демократий и крупнейших экономик. Вместе с этим японо-американский альянс представляет собой краеугольный камень интересов безопасности США в Азии и является основой для региональной стабильности и процветания Японии. Данный альянс основан на общих жизненных интересах и ценностях. Они включают в себя стабильность в Азиатско-Тихоокеанском регионе, сохранение и продвижение политических и экономических свобод, поддержку прав человека и демократических институтов, обеспечение процветания обеих стран и международного сообщества в целом¹. Однако официальные заявления не всегда соотносятся с реальной политикой Соединённых Штатов в отношении Японии.

Подписание соглашения о Транстихоокеанском сотрудничестве в октябре 2015 г. между странами-участниками, включая США и Японию, должно стимулировать рост внешнеэкономических отношений, либерализацию ряда бюрократических процедур, снижение таможенных барьеров и т.д. Это, безусловно, коснётся и японо-американских отношений. Однако, как нам кажется, экономическая политика Вашингтона по отношению к Токио направлена в основном на расширение доступа к рынкам Японии. Главными приоритетными направлениями в этой области будут стимулирование внутреннего спроса в Соединённых Штатах, содействие экономической реструктуризации, улучшение климата для американских инвесторов. Активное участие в ТТП может в конечном итоге привести к тому, что Япония станет выгодным рынком сбыта продукции США. Особенно это коснётся сельскохозяйственной продукции с содержанием ГМО, которая на данный момент запрещена в Японии.

Одновременно с этим Вашингтон активно призывает Токио к участию в Азиатском банке инфраструктурных инвестиций (АБИИ). В данном проекте уже взаимодействуют основные мировые игроки: КНР, Австралия, Новая Зеландия, Южная Корея, Франция, Германия, Италия, Великобритании, Россия. С американской точки зрения, Япония должна присоединиться к АБИИ по трём причинам. Во-первых, в период становления банка у Японии будет больше возможностей для продвижения своих высоких стандартов управления и

¹ U.S. Relations With Japan // U.S. Department of State. URL: <http://www.state.gov/r/pa/ei/bgn/4142.htm> (дата обращения: 04.11.2015).

прозрачности. Во-вторых, участие Японии поспособствует сотрудничеству между АБИИ и АБР (Азиатский банк развития). В-третьих, полноправное членство Японии поможет диверсификации источников финансирования АБИИ и снижению рисков влияния Китая ².

Комбинируемое экономическое и технологическое взаимодействие США и Японии стало носить глобальный характер. Вашингтон и Токио сотрудничают по широкому кругу глобальных проблем, среди которых борьба с инфекционными заболеваниями, такими как ВИЧ/СПИД и птичий грипп, охрана окружающей среды и природных ресурсов.

Одновременно с этим Япония старается идти в фарватере внешней политики США как в Восточной Азии, так и в мире в целом. А Америка оказывает политическую, финансовую и моральную поддержку дипломатическим усилиям Токио в различных аспектах. Это касается прежде всего территориальных споров Японии с Пекином и Москвой, а также введения санкций против РФ в 2014 г. из-за событий на Восточной Украине. Срыв официального визита президента России в Японию в 2014—2015 гг. привел к ощутимому охлаждению российско-японских отношений и был встречен позитивно со стороны официальных властей США.

В последние годы Вашингтон призывает Токио к пересмотру руководящих принципов совместной обороны, подразумевающему расширение роли Японии в обеспечении региональной безопасности, сокращение числа американских войск, дислоцированных на Окинаве, повышение взаимодействия между двумя странами, расширение сотрудничества в области противоракетной обороны.

Такое заметное изменение политики Соединённых Штатов может быть объяснено, наверное, тем, что и США, и Япония нуждаются в пересмотре своих отношений, чтобы поднять их на более высокий уровень. В первую очередь это касается ожиданий Японии, стремящейся получить статус постоянного члена Совета Безопасности ООН, а также внести ряд изменений в своё военное законодательство и успешно разрешить территориальные споры с соседями. По крайней мере, на такие изменения надеется политическая элита Японии, рассчитывающая на поддержку со стороны США.

² Tanaka Hitoshi. The next step for the US-Japan alliance // East Asia Forum. URL: <http://www.eastasiaforum.org/2015/08/04/the-next-step-for-the-us-japan-alliance/> (дата обращения: 04.11.2015).

Охлаждение американо-тайландских отношений: просчёты Вашингтона или расчёты Бангкока?

Анна Владимировна Симонёнок,
научный сотрудник ИИАЭ ДВО РАН

Отношения США и Таиланда на протяжении нескольких десятилетий после окончания Второй мировой войны были исключительно дружественными. Таиланд являлся одним из ключевых союзников Соединённых Штатов в ЮВА, всегда следовал в русле внешнеполитических интересов Вашингтона, и в восприятии простых тайцев образ американцев был в целом весьма позитивным.

Сегодня от прежней идиллии почти ничего не осталось. Охлаждение произошло резко, после военного переворота 22 мая 2014 г., но едва ли его можно назвать неожиданным. Тревожные тенденции расхождения стратегических интересов и нарастания торговых противоречий (хотя и неявные) наблюдались ещё с начала 2000-х гг. Всё это стало следствием ряда просчётов и ошибок, допущенных Вашингтоном. Первая из них хронологически относится к периоду Азиатского финансово-экономического кризиса, когда США, вопреки ожиданиям тайцев, не только не оказали им никакой действенной поддержки, а наоборот, воспользовались ситуацией в своих интересах и навязали Таиланду пакет помощи от МВФ на очень жёстких условиях. В результате чего тайландская экономика оказалась в ещё большей зависимости от западного капитала. Действия Соединённых Штатов выглядели особенно непривлекательно на фоне позиции Китая, который — единственный — реально поддержал Таиланд, предоставив ему льготные кредиты.

Тогда тайцы впервые ощутили сильное разочарование в США как в верном, надёжном и искреннем партнёре. В прессе стали появляться высказывания, что Вашингтон утратил моральное право выступать гарантом безопасности в регионе. А опрос общественного мнения, проведённый в Таиланде в 2003 г., показал, что лишь 9% тайцев считают Америку дружественным государством, а 76% опрошенных таковым назвали Китай¹. Таиланд очень тяжело переживал Азиатский кризис, но вышел из него с укрепившейся экономикой и осознанием того, что в сложных ситуациях может обойтись без США и найти другие источники поддержки. На протяжении первого и начала второго десятилетия XXI в. у Таиланда крепла уверенность в своих силах, и его всё больше тяготила роль послушного младшего партнёра Соединённых Штатов.

¹ Bruce Vaughn, Wayne Morrison. China-Southeast Asia Relations: Trends, Issues, and Implications for the United States // Congressional Research Services. April 4, 2006. URL: <http://www.fas.org/sgp/crs/row/RL32688.pdf> (дата обращения: 05.09.2012).

Очередным просчётом американской администрации стало то, что она не придала должного значения серьёзным изменениям, которые произошли с Таиландом, и продолжала выстраивать двусторонние связи, используя те же приёмы и методы, что и полвека назад. Однако в реалиях современного Таиланда они стали неэффективны, результатом чего и явилось современное охлаждение отношений.

В этой связи хотелось бы отметить ещё одну важную деталь, упущенную Вашингтоном. Соединённые Штаты, очевидно, недооценили политический потенциал таиландской военной аристократии, которую сами же и взрастили, годами обучая, вооружая и финансируя. Сегодня военные — это единственная политическая группировка Таиланда, имеющая реальную силу, а кроме того, пользующаяся поддержкой населения. При таких позициях неудивительно, что военное правительство, пришедшее к власти в мае 2014 г., уверенно и без оглядки на международные авторитеты начало проводить самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику — впервые в послевоенной истории Таиланда. Ранее правительства этой страны были зависимы от воли Вашингтона. И в данном смысле, конечно, можно понять Соединённые Штаты, когда они, не желая терять влияние, а где-то и контроль, попытались поставить на место слишком самостоятельных военных.

Но ни давление, ни санкции, предпринятые Вашингтоном, не смогли заставить современное правительство Таиланда выполнять требования США. Мало того, Бангкок ещё и обвинил Соединённые Штаты во вмешательстве во внутренние дела. Все эти события американцы восприняли как вызов ².

В действительности же твёрдая позиция Бангкока означает лишь то, что Таиланд, в двусторонних отношениях игравший ранее исключительно подчинённую роль, начал свою игру — в которой у него есть свои интересы и расчёты. И, как ни странно, охлаждение американо-таиландских отношений в эти расчёты неплохо вписывается.

Прежде всего оно открывает для тайцев возможность устранить перекос во внешнеполитическом курсе, который присутствовал долгие годы и был связан с односторонней ориентацией на США. Сейчас можно наблюдать, как Таиланд, освободившись от тесных связей с Вашингтоном, начал активно выстраивать многовекторную политику, расширяя контакты с Китаем, налаживая отношения с Россией, строя новые планы с Индией.

Определённые выгоды Бангкок извлекает и из ограничений, наложенных после переворота Соединёнными Штатами на военно-техническое сотрудничество. Тайские генералы давно выражали недовольство тем, что США поставляют их стране устаревшую военную технику, не отвечающую потребностям государства. И сейчас власти Таиланда, почувствовав большую свободу, стали выходить на новые контракты с ведущими производителями вооружения, расширяя географию

² Cobra Gold opens at 'challenging' time for US, Thailand // Bangkok Post. 2015. January 9.

поставщиков, заключая договоры на конкурентной основе, что лишь способствует укреплению национальной безопасности.

Ещё одно обстоятельство, которое учитывал Бангкок, когда шёл на обострение отношений, касается наметившейся тенденции изменения баланса сил в регионе — не в пользу США. Безусловно, Соединённые Штаты сохраняют военно-политическое доминирование, но их влияние и контроль в ЮВА ослабевают, и жители региона это чувствуют лучше, чем мы. А тайцы всегда отличались особенной прозорливостью в таких вопросах. Они удивительно верно определяют, кто сильнейший и с кем выгодно сотрудничать. Ещё ни разу в новой и новейшей истории тайцы в своём выборе геополитического партнёра не ошиблись. И тот факт, что Бангкок уже не делает главную ставку на Соединённые Штаты, косвенно свидетельствует о шаткости лидерских позиций Вашингтона, во всяком случае — в субрегионе ЮВА, где уже появился новый претендент на лидерство.

Но в отношениях с Китаем тоже не всё просто. Очевидно, что слишком тесное сближение с этой супердержавой не в интересах Таиланда. Наблюдаемое расширение сотрудничества с КНР, в том числе в военно-политической сфере, — это часть многовекторной внешней политики, которую сегодня выстраивает Бангкок. Главная цель данной политики — равноудалиться от основных политических игроков, чтобы иметь возможность, балансируя между их интересами в регионе, с одной стороны, обеспечивать себе гарантию суверенитета, а с другой, играя на противоречиях супердержав, получать для себя преференции.

В логику такой внешнеполитической концепции не укладываются и слишком близкие отношения с США. И здесь можно определённо утверждать, что уже невозможен возврат к тому формату двусторонних отношений, когда Таиланд был верным и послушным союзником Соединённых Штатов. При этом очень важно отметить, что ни о каком сворачивании американо-таиландских связей Бангкок не помышляет. В его интересах как раз нормализация отношений с Вашингтоном. Военное правительство готово к восстановлению союзнических связей, но на условиях равноправия.

Очевидно, что сегодня такие условия не устраивают США, которые пока не готовы идти на уступки и сейчас, похоже, заняли выжидательную позицию. Во всяком случае, никаких активных действий или заявлений в отношении Таиланда в последнее время не было. Возможно, расчёт делается на то, что военное правительство этой страны временное и должно скоро уйти, поэтому и договариваться с ним не имеет смысла. Однако в такой позиции есть серьёзные риски.

Прежде всего следует отметить, что положение премьер-министра генерала Праюта не такое уж шаткое, как это представляется западным экспертам. Его рейтинг среди населения очень высок, кроме того, отстранение военных от власти сейчас не особенно отвечает интересам основных политических сил. Недавнее сообщение о том, что военное правительство уйдёт не раньше середины 2017 г.

было воспринято тайцами довольно спокойно, а в прессе стали появляться неожиданные прогнозы, что это правление военных может побить рекорд по длительности (ранее рекорд правления военной диктатуры в Таиланде составлял 12 лет). Так что ожидание демократического правительства способно сильно затянуться.

Но даже если назначенная дата (2017 г.) является окончательной, а потом состоятся выборы и придёт новое правительство, нет никакой гарантии, что его политика будет сильно отличаться от той, которая есть сейчас. Последние события в стране показали, что военные, вероятнее всего, останутся у власти до тех пор, пока не «продадут» конституцию, гарантирующую военно-монархической группировке статус ведущей политической силы с правом играть решающую роль в формировании политического курса. Так что в обозримом будущем в Таиланде может и не появиться более удобного для Вашингтона правительства. А если пауза в отношениях с Таиландом затянется, то для США это может грозить ещё большей потерей влияния и позиций в данной стране.

В сложившейся ситуации хорошие перспективы открываются для таиландо-российского взаимодействия. Современный Бангкок очевидно благоволит к Москве. И сегодня у России есть неплохие шансы усилить свои позиции и присутствие в Таиланде. Сложно сказать, насколько РФ сможет воспользоваться этими возможностями, поскольку любое продвижение требует серьёзных финансовых вложений, а в условиях экономического кризиса нашей стране изыскать ресурсы для этого будет очень трудно. Но перспективы есть. Большой интерес проявляет Таиланд к российскому вооружению, особенно к авиатехнике³.

Что касается политических контактов, тут необходимо проявлять особенную осторожность. Важно помнить, что военное правительство, находящееся сейчас у власти, неконституционно и активное сотрудничество с ним, особенно на высшем уровне, может грозить России репутационными потерями. Кроме того, следует иметь в виду, что симпатия Бангкока к нашей стране базируется в том числе и на определённых геополитических расчётах. Таиланд воспринимает РФ как возможный противовес другим супердержавам в регионе. Учитывая наметившуюся в таиландской внешней политике тенденцию игры на противоречиях крупных держав, не исключён риск втягивания Москвы в эту игру, в которой мы, очевидно, потеряем больше, чем приобретём.

³ Прают Чан-Оча: наши отношения с Россией могут только развиваться, иного пути не существует (Интервью накануне визита в Таиланд премьер-министра РФ Д.А. Медведева). 8 апреля 2015 г. // TASS.RU: информационный портал. URL: <http://tass.ru/opinions/interviews/1886437> (дата обращения: 09.04.2015).

«Восточный поворот США»: некоторые итоги начального этапа (вместо послесловия)

Одним из знаковых событий глобальной политики на рубеже первого и второго десятилетий XXI в. стала попытка администрации США в лице президента Б. Обамы вновь «повернуть» свою страну лицом к Тихому океану. Политика трактуется по-разному: как «разворот к Азии» (return to Asia), «воссоединение с Азией» (reengagement with Asia), «сближение с Азией» (reapproach to Asia), но суть её одна: восстановить и сохранить американское влияние в регионе и воспрепятствовать появлению там «гегемона, враждебного Соединённым Штатам»¹. Эти действия стали частью внешнеполитической стратегии Вашингтона, нацеленной на то, чтобы, как с гордостью подчеркивала в то время госсекретарь, а ныне кандидат в президенты США Хиллари Клинтон, «восстановить американское лидерство в мире, серьёзно подорванное за 8 лет президентства Буша»². Напоминая миру о том, что «поколения американцев являлись тихоокеанской нацией», позиционируя себя как «первого тихоокеанского президента Америки»³, Барак Обама попытался «перебалансировать» (re-balance) два ключевых направления внешней политики США — атлантическое и тихоокеанское — и укрепить пошатнувшиеся позиции своей страны в АТР. Тема «перебалансировки» и стала ключевой во всех дискуссиях о современном этапе тихоокеанской политики Соединённых Штатов.

В значительной степени разворот был вынужденным и даже запоздалым. К концу первого десятилетия XXI в. стратегическая обстановка в Азиатско-Тихоокеанском регионе, но прежде всего в зоне Тихоокеанской Азии, складывалась для США неблагоприятно, по некоторым оценкам, дойдя до «критического уровня». Существовавший ранее и выгодный Вашингтону стратегический баланс был нарушен. Главными причинами стали, с одной стороны, стремительный подъем Китая и откровенная демонстрация Пекином своей экономической и военной мощи и потенциала «мягкой силы», с другой — упёртая приверженность Вашингтона концепциям, инструментам и моделям периода холодной войны, вера в свою мессианскую природу, незаменимость и непререкаемый авторитет у азиатских союзников. Растущую напряженность усугубляли нервная реакция соседей на усиление позиций Китая, тупиковая ситуация с ракетно-ядерной программой Пхеньяна, обострившиеся территориальные споры в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, в

¹ Koga, Kei. The US and East Asian Regional Security Architecture: Building a Regional Security Nexus on Hub-and-Spoke // Asian Perspective. 2011. No. 1. P. 3.

² With policies that keep us strong and safe, America can lead the world in the 21st century // URL: <https://www.hillaryclinton.com/issues/national-security/> (дата обращения: 04.01.2016).

³ Remarks by President Barack Obama at Suntory Hall. November 14, 2009 // URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-president-barack-obama-suntory-hall> (дата обращения: 03.01.2016).

которые оказались вовлечены союзники США — Япония, Южная Корея, Филиппины.

Идею «перебалансировки» страны Тихоокеанской Азии восприняли неоднозначно. Союзники США, встревоженные ядерными амбициями Пхеньяна и самоутверждением Пекина как нового регионального лидера, — с надеждой. Китайское руководство — как вызов, требующий немедленного и решительного ответа. По мнению китайских экспертов, «перебалансировка» привела к «глубокому недоверию между КНР и Соединёнными Штатами, подталкиванию Японии, Филиппин и Вьетнама к конфронтации с Китаем... возникновению разделенных структур региональной экономической интеграции — Транстихоокеанского партнёрства (TPP) против Всестороннего регионального экономического партнёрства (RCEP) и Свободной торговой зоны АТР (FTAAP), ускорению модернизации вооруженных сил Китая, его манёврам в открытых морях и претензиям в Южно-Китайском море»⁴. Я бы добавил к этому новые инициативы китайского руководства, нацеленные на создание принципиально новой для региона архитектуры безопасности и сотрудничества, «равной и неделимой для всех», исключающей силовое давление и... участие США, декларации о выходе ВМС Китая на просторы мирового океана и углубление военно-технического сотрудничества с Россией.

Тем не менее, несмотря на бодрую риторику американских политиков, с «перебалансировкой» у Вашингтона не заладилось изначально. Неуклонно растущий бюджетный дефицит заставил правительство пересмотреть расходы на оборону. Критически обострились отношения с Россией из-за Украины; США окончательно увязли в Ираке и Афганистане; не по задуманному сценарию стали развиваться события в Северной Африке и на Ближнем Востоке. Соединённым Штатам с трудом удавалось решать задачи на нескольких фронтах одновременно. Вновь окунувшись с головой в европейские и ближневосточные проблемы, Вашингтон вынужденно отдал инициативу энергично действовавшему Пекину. Благие цели в Азии и принципы их достижения, которые формулировали и озвучивали в администрации президента Обамы и которые подробно расшифровал в докладе на круглом столе Генеральный консул США во Владивостоке Эрик Холм-Олсен, во многом остались на бумаге и не стали руководством к действию в практической политике. В результате осенью 2014 г. американские эксперты были вынуждены констатировать, что «фокус Обамы на Азию сбился на фоне множества других внешнеполитических проблем», а «шум, который исходит из Вашингтона, — обо всём, кроме Азии»⁵. Действительно, главной целью «перебалансировки» во всех документах и выступлениях американского

⁴ Liu Ming. Northeast Asia Order after WWII: Continuity, Compliance, Power-Transition and Challenges. SASS Papers 12. Vol. III. International Studies, Politics and Law. Shanghai: Shanghai Academy of Social Sciences Press, 2015. P. 30.

⁵ Douglas H. Paal. Obama is back in Asia // URL: <http://carnegieendowment.org/2014/11/06/obama-is-back-in-asia/> (дата обращения: 03.01.2016).

руководства называется поддержание мира, стабильности, безопасности в АТР. Однако сегодня Министерство обороны Японии констатирует, что «среда безопасности по периметру границ страны становится всё более удручающей, разнообразные вызовы и дестабилизирующие факторы — более острыми и ощутимыми»⁶. Единственным заметным успехом Вашингтона стало подписание соглашения о Транстихоокеанском партнёрстве в октябре 2015 г.

Представленные в этом выпуске бюллетеня материалы как раз и демонстрируют противоречие между объявленными целями и конкретными результатами, несоответствие между официальными заявлениями и реальной политикой Вашингтона (Е. Пустовойт). Они сообщают о снижении интереса США к проблемам Корейского полуострова (Л. Гарусова), их стремлении возложить большее бремя защиты южнокорейской территории на Сеул и болезненной реакции политической элиты Южной Кореи на перемены — с благословления Вашингтона? — в оборонной стратегии Токио (И. Толстокулаков), неспособности американцев защитить своих союзников, дав «эффективный военно-политический ответ» на агрессивные действия КНР в Южно-Китайском море (А. Лукин), охлаждении американо-тайландских отношений (А. Симонёнок) и даже появлении в США скептического взгляда на политику союзнических отношений со странами Азии, которая может быть опасной для самих Соединённых Штатов (Л. Гарусова).

Ослабление позиций и непоследовательность действий Вашингтона в Восточной Азии, неуверенность Токио, Сеула, Тайбэя в прочности американских гарантий их безопасности стали одним из стимулов роста национального самосознания, а на этой основе — государственного и бытового национализма в странах-союзниках США в регионе. Данные государства постепенно теряют веру в своего патрона и вынуждены искать и настраивать собственные средства защиты. Предвыборные внешнеполитические заявления главного кандидата в президенты США от республиканской партии Д. Трампа, несмотря на всю их эксцентричность, не могут не беспокоить политические элиты этих государств. Летом 2015 г. потенциальный президент Соединённых Штатов призвал американское правительство перестать выплачивать Южной Корее «пособие на оборону»⁷, по сути, раскритиковал американо-японский договор безопасности, по условиям которого «Япония не придет на помощь США, если кто-то нападет на нас»⁸, и считает необходимым заставить союзников полностью расплачиваться за американские гарантии их безопасности.

Более того, последствия несостоявшегося поворота и усиление трений между Вашингтоном и Пекином аукаются ухудшением отношений между союзниками

⁶ Defence of Japan 2015. Tokyo: Japan Ministry of Defense. 2015. P. 001.

⁷ John Power. Donald Trump's Problem with the US-Korea Alliance // The Diplomat. 2015, July 23. URL: <http://thediplomat.com/2015/07/donald-trumps-problem-with-the-us-korea-alliance/> (дата обращения: 04.01.2016).

⁸ Donald Trump's Speech in Mobile // Alabama. August 21, 2015. URL: <http://edition.cnn.com/TRANSCRIPTS/1508/21/acd.01.html> (дата обращения: 04.01.2016).

США. Ссылаясь на ухудшение среды безопасности вокруг страны, 1 июля 2014 г. кабинет министров Японии принял решение о «Развитии законодательства в области обеспечения безопасности в целях обеспечения выживания Японии и защиты её населения». Решение, которое даёт право силам самообороны Японии применять силу за рубежом, снимает ряд ограничений на их действия при операциях в составе сил ООН, было воспринято в Восточной Азии, прежде всего в Китае и РК, как крайне опасный шаг.

Однако, похоже, события начала XXI в. Америку ничему не научили. Американский истеблишмент не может отказаться от мысли построить этот регион «под себя», полагая свои взгляды единственно правильными и достойными воплощения. Идея «неизбежного лидерства США в мире» пронизывает всю Стратегию национальной безопасности Соединённых Штатов 2015 г. Внешнеполитическая программа главного кандидата в президенты от демократической партии — Хиллари Клинтон — это калька с её деклараций пятилетней давности. Бывшая госсекретарь США намерена отстаивать лидерство США в мире, «продвигать американские цели и принципы», «вместе с друзьями и союзниками... побуждать Китай быть ответственным участником», «противостоять Путину» и «крепить партнёрские связи с теми странами и народами Латинской Америки, Африки и Азии, которые разделяют наши ценности и взгляды на будущее»⁹. Рекомендации главного республиканского кандидата Д. Трампа в отношении азиатской политики США столь радикальны (некоторые эксперты даже называют эту политику «катастрофой для Азии»), что принципиально невыполнимы.

Совершенно очевидно, что в основе внешней политики Соединённых Штатов лежат национальные интересы страны, обеспечение её безопасности, создание максимально благоприятных условий для её экономического развития. Вашингтон не отказывается принимать и уважать национальные интересы других государств, но только так, как он их сам видит и принимает, продолжая питать иллюзии, что весь мир должен подстраиваться под его интересы.

Нет сомнений, что грядущая смена хозяина Белого дома не повлечет за собой принципиальных изменений в тихоокеанской политике США. Линия на «перебалансировку» была подтверждена в «Руководящих принципах национальной обороны» (январь 2012 г.), «Четырёхлетнем обзоре по вопросам обороны» (март 2014 г.) и «Стратегии национальной безопасности» США 2015 г. Но она, очевидно, будет корректироваться. Хочется надеяться, что с учётом современных реалий и не в целях восстановления ушедшего в прошлое «баланса сил» в пользу США и их союзников, а через призму формирования «баланса интересов» всех заинтересованных сторон.

⁹ With policies that keep us strong and safe, America can lead the world in the 21st century // URL: <https://www.hillaryclinton.com/issues/national-security/> (дата обращения: 04.01.2016).

Найдётся ли в новой версии тихоокеанской политики США место для России? Пока в тихоокеанских раскладах Вашингтона она отсутствует. Американские политики отслеживают российский «поворот на восток». Они поддерживают Японию в её территориальных претензиях к РФ. Их волнует российско-китайское сближение, в том числе в военной сфере, а также укрепление позиций китайского бизнеса в восточных районах России (правда, в значительно большей степени это беспокоит американских союзников — Японию и Южную Корею). Однако США по традиции строят свои отношения с Москвой либо в глобальной, либо в европейской проекциях. В Вашингтоне в большей степени смотрят на Россию через Украину, Ближний Восток или Прибалтику, чем через Аляску, Пекин или Токио.

Между тем, я уверен, что для безопасного и устойчивого развития Северной Пацифики необходим постоянный трёхсторонний диалог России, КНР и США, составленный на разных уровнях и в различных форматах, от академических дискуссий и форумов специалистов-практиков до встреч на высшем уровне, от трёхсторонних консультаций до многосторонних международных конференций. В его повестке может лежать множество общих проблем, от фундаментальных вопросов ядерного нераспространения и глобального изменения климата до конкретных программ и проектов взаимодействия в Арктике, охраны морского разнообразия Северной Пацифики или сохранения культурных традиций аборигенных народов.

Состоявшаяся в ходе круглого стола дискуссия о современном содержании и будущих трансформациях тихоокеанской политики США даёт много пищи для размышлений. Очевидно, что «перебалансировка» — это тема не только сегодняшнего, но и завтрашнего дня, что Вашингтон находится в поиске ответов на новые вызовы и проблемы, с которыми он сталкивается в зоне Северной Пацифики, и выбор правильных решений зависит не только от него самого. В таком же усиленном поиске находятся и другие региональные акторы — Китай, Япония, Южная и Северная Корея, Тайвань, Канада, Монголия.

Вывод один: Россия должна максимально активизировать свою политику в северной части Тихоокеанского бассейна как на межгосударственном, так и на субнациональном (в форме межрегиональных и приграничных связей) уровне, чтобы параллельно с «сопряжением» российского и китайского мегапроектов на Евразийском континенте «сопрягать» интересы всех сторон в создании в северной части Тихого океана единой зоны мира и безопасности.

Виктор Лаврентьевич Ларин,
директор ИИАЭ ДВО РАН, д-р ист. наук,
профессор